

новившагося названія и блуждающія по отдѣламъ любовныхъ, семейныхъ, бытовыхъ, былевыхъ и пр. ¹⁾, прежде всего должны бы быть распредѣлены по напѣвамъ и размѣрамъ, а за невозможностью сдѣлать это теперь (если время будетъ упущено, то для многихъ пѣсень и когда бы ни было), хоть по однимъ размѣрамъ. Несдѣлавши самъ этой работы въ большихъ размѣрахъ, немогу, конечно, ручаться за результаты, но думаю, что этимъ опредѣлились бы самыя широкіе потоки пѣсеннаго преданія и облегчилось бы отыскиванье развѣтвленій и сліяній болѣ узкихъ теченій, образующихъ генеалогическую сѣть. Внѣшнія основанія распредѣленія по ведутъ къ болѣ внутреннимъ основаніямъ подраздѣленій, именно — по сродству поэтическихъ образовъ. Безъ продолжительнаго изученія, при той одной степени пониманія, которая сразу дается образованному человѣку такъ-сякъ знающему языкъ, т. е. на пр. непринимающему бр. «мѣсяцъ перекрою» (= мр. місяцю перекрою) за внимательный съ будущимъ вр., критическое, систематическое изданіе обширнаго сборника пѣсень невозможно. Соглашаясь съ рецензентомъ Трудовъ Этн. Эксп. въ Юз. кр. въ Вѣст. Евр. 1872 III, 94, что на пр. V т. этого сборника (и другіе сб.) представляетъ много небрежностей въ систематизаціи, я недумаю, чтобы «легко было избѣгнуть ихъ, такъ какъ удержать въ памяти содержаніе пѣсень одного отдѣла *во время* редакціи его вещь нетрудная, а при общей редакціи тома достаточно было пересмотрѣть внимательно оглавленіе его, чтобы замѣтить, въ какихъ случаяхъ варианты одной и той же пѣсни и съ однимъ и тѣмъ же характеромъ помѣщены въ разныхъ отдѣлахъ». Однимъ словомъ — «ори, мели, їж». Нѣтъ спору, что сложить въ одно мѣсто варианты «Якъ поїхавъ королевич на полювання» и др. подобныя повѣствовательнаго содержанія, нетрудно; но надо попробовать установить «отдѣлъ», да рѣшить въ принципѣ и во множествѣ частныхъ случаевъ, что — одна пѣсня, а что — 2, 3 и т. д. (вопросъ аналогичный съ тѣмъ, что такое *одно* слово? Изъ Зап. по Русс. грам. I, 1 сл.), цѣльная ли пѣсня передъ нами или нѣтъ; есть ли А варианты пѣсни Б, или на оборотъ (какъ въ фонетикѣ не все равно *и* ли переходитъ въ *ж*, или на обсротъ); да «удержать въ памяти» «характеръ» и прочее такое: и тогда надо посммотрѣть много ли времени и знанія пойдетъ на

¹⁾ Какъ будто пѣсни обрядныя, выдѣленные въ особые отдѣлы, не могутъ быть вмѣстѣ любовными, семейными, былевыми, бытовыми, историческими и пр.

приведеніе въ нѣкоторую систему такого тома, какъ V-й Сб. Чубинскаго. Замѣчено, что у насъ вообще собраніе сырого научнаго матеріала преобладаетъ надъ его объясненіемъ и систематизаціей, — въ силу чего и самые способы собранія и изданія немогутъ имѣть желаемаго совершенства. Это вполне примѣнимо и къ изданіямъ малорусскихъ пѣсень, историко-литературному изученію коихъ посвящено было слишкомъ мало силъ. Нельзя винить за это никого въ частности, а менѣе всего тѣхъ, благодаря трудамъ коихъ мы имѣемъ передъ собою большое количество весьма цѣннаго матеріала.

По мѣшкотности дѣла, я могу лишь слегка коснуться нѣкоторыхъ сторонъ вопроса о примѣненіи размѣра къ классификаціи п.

Одно изъ возраженій противъ такого примѣненія могло бы состоять въ томъ, что размѣръ есть форма слишкомъ общая для того чтобы по ней можно было судить о чемъ либо болѣе внутреннемъ. Но, во первыхъ, здѣсь рѣчь пока не о томъ, соответствуетъ ли размѣръ самъ по себѣ извѣстному темпу мысли и настроенію и точно ли на пр. размѣры, состоящіе изъ стиховъ равныхъ по количеству слоговъ, суть преимущественно эпическіе, а состоящіе изъ стиховъ неровныхъ — преимущественно лирическіе. Достаточно признать лишь традиціонную, условную связь размѣра и настроенія (какова въ словѣ связь звука и значенія), объясняемую тѣмъ, что новая пѣсня, примыкая къ прежней по своему поэтическому содержанію, вмѣстѣ съ этимъ примыкаетъ и по размѣру. Какъ фонетика лежитъ въ основаніи изученія внутренней формы словъ, такъ вниманіе къ размѣру можетъ оказать подобную же услугу изученію внутренней ф. поэтическихъ произведеній. При томъ, а) въ народной пѣснѣ размѣръ возникаетъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, отношеніе коего къ настроенію бываетъ болѣе осязаемо, хотя и трудноопредѣлимо; б) рѣчь идетъ именно объ установленіи наиболѣе общихъ направленій преемственности.

Обыкновенно думаютъ, что нѣкоторые, особенно распространенные размѣры, какъ сербскій эпическій [4 + 6], размѣръ мр. колядокъ [²5 + 5], весьма древни; но документальныхъ доказательствъ устойчивости размѣровъ и стало быть возможности относить къ отдаленному времени начало пѣсенныхъ разрядовъ, опредѣляемыхъ единствомъ размѣра, не особенно много. Поэтому нельзя пренебрегать на пр. тѣмъ, что мр. размѣръ ²[6 + 6] документально не

новѣе третьей четверти XVI в. [См. мою ст. «Мр. нар. п. по сп. XVI в.), т. е. навѣрное гораздо древнѣе этого времени. Существеннымъ кажется и то, что этотъ размѣръ туземнъ у Поляковъ и Словаковъ и что у послѣднихъ имъ сложена между прочимъ пѣсня важнаго содержанія и напѣва:

Belehrad, Belehrad, tá turecká skala!

Nejedna mamička (bis) synka oplakala

(Sb. Slov. nár. piesni etc. vyd. Mat. Sl. Sv. 1, 1870)

Ср. Угорско-русс. п., изъ Хуста въ Марамошѣ у Гол. I, 151;

Бѣлоградъ, Бѣлоград, [то] пуд ним вуйна стоѣт,

Не одному хлапу долу глава лежит.

Изъ мр. пѣсень сюда относятся:

а) П. запис. въ Сяноцкомъ и Земненскомъ окр., и носящая явные признаки своей мѣстности (у Гол. I, 89), составляющая большую рѣдкость въ томъ отношеніи, что это настоящая сказка: Дѣвица сирота поетъ: «если бы меня король взялъ, я родила бы ему сына съ мѣсяцемъ и звѣздою.» Король, ѣдучи на ловы, слышитъ это, женится на ней. Она исполняетъ свое обѣщаніе, но проклятая баба бросаетъ сына въ Дунай въ бочкѣ и подмѣниваетъ его козленкомъ. Король, обманутый этимъ, бросаетъ жену въ Дунай. Она спасается и спасаетъ сына. За тѣмъ встрѣча съ мужемъ и казнь бабы. Судя по характеризующей мр. пѣсни наклонности къ лирической краткости и житейскому содержанію, можно считать весьма отдаленнымъ отъ нашего времени то настроеніе, при которомъ такіе мотивы могли становиться содержаніемъ пѣсни.

б) П. у Метл. 286, Голов. 171, Чубин. V, 709 — 10, извѣстная до восточныхъ границъ мр. населенія, тоже сказочная, хотя и неизвѣстная въ нестихотворной формѣ:

Оженила мати неволею (т. е. противъ своей воли) сина,

Та взяла невістку та не до любви...

Лютая («Лихая») свекровь посылаетъ сына въ путь-дорогу (т. е. какъ прямо говорятъ нѣкоторые вар., на войну, п. ч. *путь*, военный походъ, откуда «бояре путные»), а нелюбую невістку въ поле (лень брать, коней пастъ и т. п.), гдѣ она оборачивается тополею (или былиною, вѣроятно чудесною, п. ч. ее замѣчаетъ сынъ), потомъ сына, возвратившагося изъ дороги заставляетъ срубить тополи, или, что странно, былину. Странно также, что въ нѣкоторыхъ вар. (Чуб. V,

708 — 9) сынъ бросаетъ сѣкирою въ былинѹ. Во многихъ вар. у Чуб. V, 704 сл. размѣръ очевидно искаженъ, такъ что ладу въ немъ безъ напѣва найти нельзя. Въ вар. А. ib. ст. 1—3

Ой лихо, лихо, де свекруха €,
А ще горійше де € обоє (т. е. и свекоръ):
Свекорко слово, а свекрухи дві.

взяты изъ другой пѣсни, разм. [5 + 5] съ цѣлью придать этой п. житейское значеніе. Въ вар. Б. ст. 3 — безъ смысла. Вар. В., Г. — съ великорусскимъ оттѣнкомъ и б. м. первоначально другимъ размѣромъ: есть правильные стихи [5 + 4] и [5 + 5]. Относительно В. можно даже рѣшительно сказать, что въ его стихѣ 2-е полустишіе — изъ 4-хъ слоговъ, что это не варіантъ, а особая пѣсня. Замѣчательно въ началѣ примѣненіе поюще къ себѣ:

Ой у полі крапивушка жарливая,
Була *въ мене* свекрухна журливая,
Да жалила мене єк день, так ноч,
Пасилала мене ад себе проч:
«Да йди, невѣхна ад мене проч,
«Да и стань у бару рѣбинаю
(Черниг. у.).

Такое же приспособленіе идеальнаго образа въ купальской п.:

Ой снодо, снодо тонкая!
Та була в *мене* свекруха лихая...

Случаи, какъ представляемый варіантомъ В у Чуб. V, 706, указываютъ не на отсутствіе т. ск. наслѣдственности размѣра, а или на раздѣльность потоковъ преданія (въ наст. случаѣ [6 + 6] и [x + 4], или на производность одного размѣра и первообразность другого (вопросъ требующій особаго изслѣдованія; на пр. не возникъ ли болѣе обычный въ мр. п. размѣръ ²[(4 + 4) + 6] изъ менѣе обычнаго, по видимому общеславянскаго [4 + 6] и если да, то нѣтъ ли и обратныхъ случаевъ: не растяженія, а сжатія размѣра?), или на помѣсь, т. е. видоизмѣненіе содержанія одного разряда подъ вліяніемъ размѣра и тона другаго. Сходная по содержанію съ В. вр. п. о превращеніи снохи въ рябину — въ сб. Якушкина (и въ Воронеж. Бесѣдѣ на 1861 г., 398). Размѣръ — 5 + 5. Явственныхъ ука-

заній на заимствованіе изъ мр. нѣтъ. О сродныхъ сказаніяхъ у другихъ народовъ и о мифологическомъ значеніи — Mannhardt, Baumcultus, I.

в) Мать встрѣчаетъ сына медомъ, а нелюбую невѣстку ядомъ который выпиваютъ обое; на ихъ гробахъ вырастаютъ яворъ и береза (или тополя) и т. п.; верхи склоняются въ мѣсто, мать горюетъ:

«Ой колиб' я знала, трути недавала,
Тепер би я собі пару діток мала.

Размѣръ ²[6 + 6] болѣе-менѣе выдержанъ или замѣтенъ въ вар. Голов. I, 81, Чуб. V, 711 (№ 309) А, З, И, I. Какъ и въ пѣснѣ б), и здѣсь нѣкоторые вар. слѣдуетъ считать за самостоятельныя редакціи съ особымъ пошибомъ, именно у Чуб. V, 713, В (Чернигов. у.) съ почти вполне выдержаннымъ размѣромъ ²[5 + 5] и съ замѣчательнымъ вступленіемъ:

«Ой що-ж то за день пуйд недѣлькою:
«Спитсе, дремлется пуйд (над?) куделькою.

«Ой мати сина дай народила и пр.,»

показывающимъ, что сама пѣвица смотрѣла на эту пѣсню, какъ на сказку, которою разгоняютъ сонъ. Сюда же и бр. вар. съ р. ²[5 + 5], Этн. сб. III, 218—9.

г) Противоположеніе посмертной участи любовниковъ, встрѣчающееся въ п. в) ¹⁾ роднитъ ее съ семействомъ п. о смерти разлученныхъ любовниковъ, на могилахъ коихъ тоже вырастаютъ растенія: Метл. 94 — 6, гдѣ въ нѣкоторыхъ стихахъ легко опущеніемъ превратить разм. ²[6 + 6] въ ²[4 + 6]:

Да висипте, (мати), високу могилу,
Посадіте (в головах) червону калину,
Да поставте (мати) хрести золотіі,
Щоб сказали (люде): лежать молодіі..

¹⁾ «Що по синові отець мати плаче
А по невісточці чорний ворон криче»
и т. д. (Чуб. V, 711—2, 715).

Особая пѣсня Шаришск. у. со словацкимъ характ. — у Гол. III, 253 — 4:

.....Єдно поховали powyше костела,
Друге поховали пониже костела.
На єднѣмъ выросла ружа и шалвія,
На другѣмъ выросла дробна розмарія,
А тоти квітки в єдно ся зростали,
Жеби люде знали, же ся любовали.

Этого семейства, сходнаго по темѣ съ серб. Омер и Мерима и пр. Кар. Пјес. I, 238 сл. № 340—5, разм. [4 + 6]), а отчасти съ серб. ib, № 346 — 7, разм. [6 + 6], неслѣдуетъ смѣшивать съ другимъ семействомъ мр., характеризуемымъ размѣромъ со вторымъ полустишіемъ изъ 7-и сл., о коемъ ниже.

д) Къ г) примыкають п. о разлукѣ вслѣдствіе людской злобы и о предстоящей смерти любовника:

...Ой умру я мила, а ти будеш жива,
Незабувай мила, де моя могила...

Метл. 92—3. Сюда же стихи приставленные будь то бы какъ вар. къ п. другого размѣра (²[8 + 6]):

Як ми любилися, нас мати не знала
Тепер розійшлися, як чорная хмара..
(Метл. 63).

е) На основаніи сравненія п. у Метл. 16—7 и у Чуб. V, 1208—9 можно предположить родственную съ г) пѣсню сказочнаго характера о неудачномъ *блгствѣ* любовниковъ и ихъ превращеніи. Окончаніе ея было приблизительно такое:

1. Їдуть вони поле, їдуть и другеє,
2. А на третє поле став кінъ спотикатись.
«Вернімось, дівчино, небудем вінчатись...
4. Пішов козак ярѣмъ, дівка долиною,
5. Зацвів козак терномъ, дівка калиною.
Вийшла єго мати того терну рвати,
Дівчинина мати калини ламати:
«Ой се ж не терночок, а се мій сяночок!».
— Ой се не калина, се-ж моя дитина!».

За тѣмъ, съ усиленіемъ вѣяній новаго времени элементы этой пѣсни или ея вліяніе сказываются въ пѣсняхъ того же разм. но болѣе реального содержанія, на пр. ст. 1 и 2—въ п. о побѣгѣ дѣвки съ москалями (Чуб. V, 1005); ст. 4—5 появились въ другихъ пѣсняхъ лишь какъ символическое изображеніе разлуки любовниковъ (Метл. 17, Чуб. V, 85):

Ишов (= пішов) козакъ яром, яром долиною,
Зацвів козак рожою, дівка калиною.
Рожа одцвілася, калина зачалася;
Козак оженився, дівка зосталася.

ж) Къ е) — п. у Метл. 99 — 101: Марко бѣжитъ съ дѣвицей, дремлетъ, догоняетъ погоня, Марку вѣроятно рубятъ голову. Разм. тотъ-же, строгій. Была пѣсня того же разм. о бѣгствѣ съ чужою женою (Метл. 59). П. о бѣгствѣ съ чужимъ мужемъ, реального характера, отличная по разм. $[(6 + 6) + (8 + 6)]$ — Гол. I, 70.

з) Убіеніе любовника мужемъ, горе любовницы и матери убитаго, сожалѣніе убійцы: Гильдебр. Сб. пам. н. ть. свз. кр. I, 126; Гол. I, 62; Чуб. V, 1017:

Далеко слыхати такую новину:
Забито Петруся, забито в Жалиню (Гол. в Джулині).

Въ сб. Гол. многіе стихи того же размѣра, изъ чего видно, что размѣръ начала $(8 + 6)$, именно

«Чи чули ви, люде добрі, о такой новині.»

— новѣе. Характеръ п. реальный; видна сословность.

и) Дѣвица (въ купал. п. Ганна), б. м. преслѣдуемая мачихою тонетъ въ Дунаѣ, ея коса превращается въ травы, ея краса въ калину и пр. П. очевидно сказочная по мотиву, но не мифологическая по примѣненію, о чемъ б. м. буду имѣть случай сказать въ другомъ мѣстѣ. Купальская—въ Очерк. Россіи В. Пасека I, 108—9; мой варіантъ—въ моей ст. О купальскихъ огняхъ (3 вып. Археол. Вѣст. М. Арх. Об., отд. отт. 2 — 3; тамъ же и другая сродная купальская). Размѣръ $^2[6 + 6]$ частью существуетъ, частью восстанавливается легко; въ 2-хъ вар. онъ усложненъ припѣвомъ. Ср. Чуб. V, 202, № 409; Голов. II, 726 (на тему: спасаетъ тонущую не отецъ—мать, а милый).

i) Къ г) примыкаетъ слѣдующая: больной отъ любви, чтобы овладѣть вдовиной дочерью, строить церковь, корчму и наконецъ притворяется мертвымъ. Вдовина дочь приходитъ къ его гробу; тогда онъ всхватывается и

Давай, мати пива-меду
 Бо вдовину дочку *веду* (Чуб. V, 113 — 4, Запис. П. А. Кулишъ).

Размѣръ попорченъ, но большею частью можетъ быть возстановленъ, на пр.

Ой умру я умру, за часъ, за годину
 За часъ за годину, за дочку вдовину.

Соединеніе этого мотива съ г) (смерть разлученныхъ любовниковъ, растенія на ихъ гробѣ) въ угорско-русс. п. правильнаго разм. ²[6 + 6] у Гол. II, 710.

Между ю. слав. пѣснями есть и болѣе подходящія по мотиву, чѣмъ Кар. Пјес. I, 568 (№ 737).

к) Среди пира козацкаго гетманъ скорбитъ о томъ, что въ пылу битвы неумышленно убилъ родного брата. Онъ проситъ вывезти убитаго межъ три дороги, насыпать надъ нимъ высокую могилу и посадить на немъ троякое зелье, чтобы воспоминала его мать, родъ и милая. Послѣ этого можетъ показаться ненужнымъ слѣдующее, въ коемъ 1-ый ст. — другого размѣра, а 2-ой — съ сомнительнымъ повтореніемъ слова:

Будуть дівки приходжати теє зільє рвати ¹⁾
 Будуть мого брата, брата споминати:
 «Ой не той ту лежить, що панщину робить,
 «Ино той ту лежить, що у війську служить;
 «Ой не той ту лежить, що Ляхамъ вслугує,
 «Ино той ту лежить, що Турка воює ²⁾

Рус. Днѣстров.; Паули II, 6; Гол. I, 92 — 3.

По мотиву «могила и пр» ср. г); братоубійство — въ очень испорченной бр. пѣснѣ у Гильтебр. Сб. пам. и пр. 42 (разм. 5 + 5?), замѣ-

¹⁾ Какъ въ пѣснѣ «Стоить явір над водою»:

Будуть пташки прилітати калиноньку їсти.

²⁾ Неужели дѣвки по зельямъ будутъ узнавать это?

чательной лишь тѣмъ, что по началу («4 полка) связывается съ разсмотрѣнною мною мр. пѣсн. XVI в. («На версі Дунаю три роти ту стоя»).

1) Къ а) примыкаютъ по мѣстности и эпическому характеру 2 п., запис. въ Пряшев. епархіи, съ сильнымъ словац. вліяніемъ.

α) Вдову, вслѣдъ за смертью мужа, родившую сына, гонятъ на панцину, подавать каменья при постройкѣ Маковицы. Она бросаетъ ребенка въ озеро (Гол. II, 699).

β) Къ 12-и разбойникамъ, сыновьямъ бѣдной Угельской попадьи вдовы прибилудилась ихъ сестра, отыскивавшая стадо; они насыпаютъ ей въ фартухъ талеровъ и отсылаютъ съ вѣстью къ матери (ib 700). Ср. также ib 701, 702 (важно для вопроса о южно-слав. вліяніи).

Сюда же легендарныя: Олена находитъ 3 креста и 3 гроба (Гол. I, 233, Сяноц. окр.; ср. IV, 523), — мотивъ перешедшій въ колядки; о птицѣ, поющей на кипарисномъ кустѣ («крячокъ цитрусовый» = циприсовый) 7 набожныхъ пѣсень, изъ коихъ названы 3: о божь-емъ рожденіи, мученіи и началѣ свѣта, всѣ вошедшія въ колядки (Гол. IV, 523 — 4, Сандец. у.); о Паниѣ Маріи просящей ночлега у бѣднаго хлопа (ib. Санд. у.). Въ первыхъ 2-хъ опять сродство разряда 2[6 + 6] съ 2[5 + 5].

м) 1. Козакъ спрашиваетъ у коня о причинѣ его печали. Конь жалуется на козацкій обычай неминать шинка:

То я сиру землю по коліно вибью,
Поки тебе, пане, та из корчми вызву.

См. а) Гол. I, 110 — 11, № 43; б) ib. III, 311.

Другой размѣръ (4 + 4) — изъ Сяноцк и Земненской столицы: Гол. I, 111, II, 727, и въ серб. п. у Кар. I, 453 — 4, гдѣ тотъ же мотивъ (жалобы коня на эгоизмъ хозяина) прилаженъ къ эпическому центру, Косовской битвѣ:

Конь јунака оставио
На злу месту у Косову..

Третій размѣръ — древній эпич. [4 + 6], Чуб. V, 960 — 1.

2. Козакъ хочетъ продать коня, конь напоминаетъ ему свои прежнія услуги, Антон. и Драгом. Ист. п. мр. н. I, 271 — 2; этотъ мотивъ, измѣняя размѣръ, переходитъ въ колядки.

3. Сынъ проситъ, чтобы мать его женила и жалуется, что

«прийде темна нічка, ні з ким розмовляти». Мать совѣтуєть купить коня и говорить съ нимъ въ *стайни*. Сынъ возражаєть. Чуб. V, 868—9; Ср. *ib* 872 (430).

Ети мотивы вліяють другъ на друга. Такъ начало вар. м) 1, а, «Ой дубъ на дуба гілѣм похилився, коникъ на козака дуже засмутився», Гол. I, 110, обязано своимъ происхожденіемъ пѣснямъ м) 2.:

Ой дубъ на березу гіллям похилився,
Ой син свой неньці низенько вклонився (на пр. Чуб. V, 818).

Точно также то, что въ М) 1. разговоръ съ конемъ происходитъ въ большинствѣ вар. въ конюшнѣ, а не въ дорогѣ (какъ у Г. I, 110), на пастъбѣ (*ib* I, 111, II, 727) или на полѣ битвы (Серб.), взято изъ М. 3.

Соединеніе М 3 и М 1 — въ п. у Чуб. V, 27, 870 — 2 (429); Шейнъ Бр. п. 251; Сб. Свз. кр. 174, а соединеніе всѣхъ трехъ мотивовъ въ одну пѣсню—у Ант. и Др. Ист. п. I, 272—3.

н) При л, α), β) можно поставить п. изъ Сяноц. окр.:

(Ой) По горі, горі зацвіла шевлія..
..Марія ходила, шельвію ломила,

что, если гора здѣсь—горе, можетъ значить: жила въ печали и чистотѣ (Ср. Костомар. Ист. зн. ю-р. пѣс. творч. Бесѣда 1872, VI, 1 — 10). Ляхъ, убійца мужа этой Маріи, хочеть взять ее за себя; она отказывается; ее привязываютъ къ соснѣ плечами и зажигаютъ сосну. Такъ въ п. у Гол. III, 66. Въ п. *ib* I, 163, съ такимъ же началомъ и концомъ (сожженіе), — новая черта: Марія уличаєть панича въ убійствѣ:

«Мого пана коні у твоій студолі и пр.

а онъ прониически оправдывается:

«Я куповав коні на ярмарку в Львові,
«А я пив могорич в зеленій дуброві,
«А я лічив гроші на гнилій колоді..

Ета черта служитъ переходомъ къ обще-малорусс. п: «Маруся узнаєть коней своего мужа у козаковъ пришедшихъ къ ней в го-

сти (о сватаньї нѣтъ рѣчи), называетъ ихъ гайдамаками, а они оправдываются, какъ выше. См. Гол. I, 163 (10); Чуб. V, 963—5.

Отмѣчу еще изъ этого разряда пѣсню: горе попады Маруси, любовницы опришка Павла Марусяка, Гол. I, 155, а также намеки на существованіе варіанта этого же размѣра въ числѣ пѣсень объ убійствѣ разбойникомъ родственниковъ жены, Ант. и Драг. Ист. п. I, 61—3.

о) «Побратався сокіл з сизокрилим орломъ
Чуб. V, 851—4. ¹⁾

п) Ой приѣхав братік та до сестри въ гості.
ib 927, Метл. 281.

Я не стою за порядокъ этихъ примѣровъ, далеко неисчерпывающихъ собою всѣхъ напечатанныхъ пѣсень того же характера, и хочу сказать только то, что на основаніи размѣра возможны сближенія, бесполезныя въ историко-литературномъ отношеніи, вовсе недѣлаемые издателями р. нар. пѣсень, или дѣлаемые только случайно, на основаніи содержанія. Если это такъ, то морфологическая точка неостанется безъ вліянія на пониманіе и тѣхъ отдѣльныхъ чертъ пѣсни, которыми интересуются какъ свидѣтельствами историческими въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Говоря о степени древности малорусс. пѣсенныхъ размѣровъ, слѣдуетъ упомянуть о мр. стихотвореніи, «О битвѣ подъ Берестечкомъ», заключающемъ въ себѣ, мнѣ кажется, много доказательствъ своей современности событію, напечатанномъ въ *Jagić*, Arch. f. Sl. phil. II, 298 сл. Оно озаглавлено такъ:

Duma kozackaia o wojni skozakamy nad rikoiu Styru na te nute
ou postyl bym ia sim ponedilkow osmuiu nedilenku w roku 1651.

Пѣсня, на голосъ коей здѣсь ссылка, существуетъ до нынѣ. Въ наиболѣе чистомъ видѣ—у Чуб. V, 21 (№ 55), изъ сб. П. А. Кулиша:

Понеділював сім понеділків, восьмую неділёчку:
Принеси, Боже, кого мені гоже на мою постілочку.
Постеле ж моя тонка біленька, ти ж мені немиленька:

¹⁾ Если меня память необманываетъ, напѣвъ — родственъ съ напѣвомъ «Оженила мати неволею сына».

Хоч м'ягко спати,—важко здихати, що ні с ким розмовляти.
 Милого ложа м'іх да рогожа, то мені постіль гожа:
 Хоч твердо спати, да легко здихати, що є с ким розмовляти.

Отноительно противоположенія, заключеннаго здѣсь ср. Чуб. V, 6, (12), 55 (122), 12 (29).

Вм. *понедіжовав*, гдѣ грубое искаженіе со стороны пѣвца, т. к. собственно, во всѣхъ варіантахъ это говоритъ женщина, слѣдуетъ «понеділкую», или «буду постити», или какъ в вар. Н. И. Костомарова (Чуб. V, 1202):

«Ой постникала я сім понеділків», гдѣ б. м. в. м. первыхъ 6-и слоговъ слѣдуетъ: «посниковала». У Гол. I, 251 первое двусишнє — внутри другой извѣстной пѣсни «Гей заржий, заржий, сивий кониченьку, по під воротонька йдучи» (Ср. Метл. 55): Буду постити... кого вірне люблю та до моего домоньку». Кромѣ поэтическихъ вольностей, устранимыхъ очень легко (на пр. в. м. «кого вірне люблю» — «кого я люблю», или «кого кохаю», или «мого милого» и т. п.), этотъ размѣръ есть ² [5 + 5 + 7]. Другіе примѣры его:

«Ой ти хмеленьку...» (Бѣльск. у. Гродн. г.; Сб. Свз. кр. I, № 144; Голов. I, 191, изъ W. z Ol. 452; родственна съ этою, но отлична отъ нея п. у. Гол. I, 162);

«Ой воли мої та половні, чому ви не орете» (Гол. I, 256, W. z Ol., Максим., Метл.);

«Вітронько дує, вітронько дує, хабиною колише» (Гол. I, 255);
 «Ой гой-же, гой-же, мій милий Боже, що ж бо я учинила»
 (Г. IV, 210, Свад.)

«Ой гоє-гоє, ой гоє, гоє! любилося нас двоє,
 «Ой гоє, гоє, ой гоє, гоє, (а) обоє молодое (Г. III, 143)

и множество другихъ. Послѣдній изъ этихъ примѣровъ, по содержанию, — болѣзнь (или и смерть) отъ несчастной любви — былъ уже упомянутъ выше (г). Въ немъ второе пятисложіе есть повтореніе перваго, такъ что размѣръ сводится на ²[5 + 7], что и находимъ въ вар. у Гол. I, 105; ib 106 (ст. 1 — 10 — изъ другой пѣсни; размѣръ нѣсколько испорченъ):

Рік ся любили, [а] два ся невиділи,
 Скоро ся узріли (чит. вздріли), зараз ся поболіли;

Чуб. V, 372. И въ другихъ пѣсняхъ, среди стиховъ, въ коихъ 5+5 не есть повтореніе, т. е. ²(5), встрѣчаются такіе:

Кури почула, кури почула, тонкий кужель прядучи,
Зори познала, зори познала, рано по воду идучи, Сб. свз. кр.
№ 144.

Т. о. пѣсня о томъ, что молодая посылаетъ стараго за Дунай по калину, при чемъ старый тонетъ, а молодая въ долони плещетъ, Гол. II, 272, разм. ²[²(5) + 7], относится къ пѣснѣ о томъ же, ib I, 203—4, разм. ²[5 + 7].

Для характеристики отношенія этого размѣра къ поэтическому содержанію кажется мнѣ весьма пригоднымъ сравненіе только что названной пѣсни съ пѣснейю на ту же тему, но съ размѣромъ ²[8 + 6], Гол. I, 218; III, 227. Въ первой—сильная идеализація, пѣлесообразная при изображеніи общихъ житейскихъ отношеній, въ данномъ случаѣ — несоотвѣтствія возрастовъ, при которомъ слабѣйшая сторона, старость, гибнетъ. Хожденіе дѣда по калину и то, что онъ тонетъ въ Дунаѣ имѣетъ только символическое значеніе (Ср. Костом. Ист. знач. и пр. Бесѣда 1872, VIII, 18 — 20), т. какъ калина — сама молодая, а ломать — любить. Во второй пѣснѣ символизмъ уступаетъ мѣсто жанровымъ подробностямъ: молодая жена притворяется больною, посылаетъ стараго мужа за калиною на лѣкарство отъ кашля, приглашаетъ къ себѣ любовника, ставитъ дочь (должно быть, падчерицу) на стражу и, когда дочь обманываетъ ее и подпускаетъ старика близко, прячетъ любовника, а мужа опять отправляетъ за медомъ.

Я думаю, что въ общемъ это отношеніе размѣровъ подтвердится и болѣе обширнымъ сравненіемъ. На сторонѣ разм. ²[5 + 5 + 7] — преобладаніе лиричности и идеализаціи; на сторонѣ ²[8 + 6], въ мр. пѣсняхъ (ибо этотъ размѣръ б. м. имѣетъ другой характеръ въ вр.), по крайней мѣрѣ въ одномъ ихъ отдѣлѣ, — особая эпичность новаго, жанроваго характера ¹).

¹) Вотъ нѣсколько темъ пѣсенъ Гуцульскихъ по послѣдн. размѣра: жена убиваетъ мужа (Г. I, 51, 58, 59; III, 19—20); мужъ—жену (Г. I, 56; III, 20—1, 238); убіеніе нѣкогого Нестерюка, горе матери, вскрытіе, похороны (1, 55); подробности сватанья и договоры о приданомъ (I, 198—9 = III, 215—5, съ сатирическимъ оттѣнкомъ); какъ у попа «испильникъ» его Лукинъ укралъ съ поля пшеницу; какъ мельникъ воевалъ съ крысами (III, 225); какъ дѣвка на ярмаркѣ сводитъ при посредствѣ жидковъ знакомство съ паномъ Корнецкимъ, уго-

Въ вышеприведенномъ заглавіи мр. стихотворенія XVII в. слово *дума* употреблено въ нынѣшнемъ западномъ своемъ смыслѣ поэтического произведенія строгаго размѣра (а не свободнаго, какъ дума въ украинскомъ смыслѣ), при томъ вовсе не непременно эпическаго, что я старался показать выше. Примѣненіе этого размѣра къ повѣствовательному содержанію кажется отклоненіемъ отъ традиціи народной поэзіи; но поводомъ къ этому могло быть то, что и раньше этотъ размѣръ встрѣчался въ козацкихъ пѣсняхъ, хотя и лирическихъ, но объ историческихъ событіяхъ. Многія изъ этихъ пѣсень могли оставаться сословными, необщепародными, и составлять переходъ къ искусственнымъ стихотвореніямъ. Б. м. на такую переходность въ сходной по размѣру пѣснѣ о побѣдахъ Перебийноса (Ант. и Драг. II, 39 сл.) указываютъ нѣкоторыя выраженія: «Семи козаків, добрих онаків» (Метл. 400; хотя г. Кулишъ въ З. о ю. Р. I, 271, напечаталъ «юнаків», но о м. б. не ошибка, а = jo въ польс. *jonak* (такъ и чеш.), съ сербскаго, въ серб. значеніи молодца, героя, откуда позже — польс. хвастунъ); «множество ляхів»; «поки нашої жизнєности». Въ стихотв. о бит. подъ Берестечкомъ козаки тоже названы славными юнаками.

Начало этого стихотворенія въ Архивѣ Ягича (II, 298) таково:

Oy riko styru szco Hmil o wiru iakyia wsemu miru chde w dnipr
wpadaiesz opowidaiesz radost z woyny czy miru.

Въ чтеніи г. Житецкаго оставленъ *хмель* (т. е. Хмельницкій) и *вѣра*; я же читаю такъ:

Ой ріко Стиру, що хвилѣ—віру! Якую всему міру,
Де в Дніпр впадаєш, оповідаєш радість? З війни, чи міру?

Въ «Hmil o» лат. m прочтено б. м. новымъ переписчикомъ (г. Петровымъ) вм. *w*; *хвилѣ-віру* — эпитеты къ *Стиру*: «Стырь, ты волна—виръ»; *шчо* плеонастическое; *i* въ *хвилѣ, віру, міру* оставлено мною въ угоду рукописи, вм. мр. *и* или *ы*, какъ полонизмъ. Чтеніе *якую* вм. *iakyia* ср. съ *hanskomu*, ib 299, строка 34, гдѣ лат. у

щается дорогимъ (на ея взглядъ) напиткомъ и... считаетъ полученные отъ него деньги (II, 377); разбойничія пѣсни въ тонѣ реляцій, съ обиліемъ собственныхъ именъ и мѣякихъ обстоятельствъ (I, 160—2, 155—6 и др., II 598); о вредѣ пьянства (II 463—8; III, 221—4, между тѣмъ какъ, тотъ же мотивъ въ лирическомъ тонѣ и безъ мѣстнаго характера, Гол. III, 188, имѣетъ размѣръ ²[5+5+7]; близость свѣтопреставленія (II, 469).

поставлено вм. слав. у. *Радость* понимаю здѣсь въ знач. извѣстія, новости, какъ, на оборотъ, *хабар*, *хабарь*, вошедшее въ русс. изъ турецко-татар. въ зн. новости, извѣстія, (какъ и въ серб. *хабер*), получило зн. извѣстія радостнаго (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—счастья, удачи), вознагражденія за такое извѣстіе (= серб. тур. *муштулук*), и отсюда—взятки (мр., вр.) и барыша (вр.).

На смотря на enjambement, неловкость свойственную тогдашнему польскому стихотворству, одно это двустипіе (неговоря о другихъ удачныхъ мѣстахъ стихотворенія) показываетъ въ авторѣ умѣнье пользоваться народнымъ языкомъ, размѣромъ и образами народной поэзіи. Въ доказательство того, что авторъ отнесся къ своему народно-поэтическому образцу съ такимъ пониманіемъ, которое и теперь въ образованныхъ людяхъ несовѣмъ обычно, я позволю себѣ сдѣлать слѣдующее отступленіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить поясненіемъ того, что я разумѣю подъ комментированіемъ формальной стороны пѣсень.

Что въ мр. н. пѣсняхъ соответствуетъ выраженіямъ газетъ: «намъ сообщаютъ, что»..; «нашъ спеціальный корреспондентъ пишетъ, что»..; «упорно держится слухъ, что»..?»

1. Вышеупомянутыя пѣсни болѣе новаго склада, размѣръ ²[8 + 6], преимущественно гуцульскія, между прочимъ характеризуются и тѣмъ, что чуть ли не въ нихъ однихъ встрѣчаются указанія на личность слагателя, довольно обычныя въ нар. пѣсняхъ западныхъ народовъ; на пр.

Ой коби ми не пісочок, не пісова багна!
Співаночку сесу склала Крамарева Анна.

Гол. III, 35;

въ п. объ убіеніи Степана Нестерюка:

Ой у саду, у садочку зазуля ковала;
Тоту собі співаночку сестричка складала.
Вона собі іскладала, все її співала,
Щоби брата Степаночка та забувала.

ib I, 56.

Этого рода пѣсни нерѣдко начинаются такъ:

В славнім місті Ботушанахъ ¹⁾ сталася новина, Гол. I, 79;
 В славнім місті Репучинцѣхъ ²⁾ неслава ся стала, ib I, 68;
 Ой у місті Гусятині ³⁾ сталася новина, ib III, 36;

Чи чуєте, люде добри, що хочу казати?
 Бо я хочу Штолюкови співанку співати.
 Єкусь чути новиначку, неможна казати:
 Пішов Штолюк из Мироном села воєвати,
 ib III, 59;

Въ Голіградахъ ⁴⁾ на пуціньє сталася публіка: ⁵⁾
 Зарубала Парасуня свого чоловіка, ib I, 588;
 Чи чули ви, люде добрі такіі публіки:
 Пішли хлопці в гайдамахи из нашої Ріки, ib I, 162.

Тоже иногда встрѣчается и въ пѣсняхъ другихъ размѣровъ:

Ой стала ся стала та в Манастерищохъ ¹⁾ шкідка:
 Ой загубила свого мужа та поповича жінка,
 Гол. I, 51;

Далеко слихати такую новину:
 Забито Петруся, забито въ Жалиню,
 Сб. п. Свз. кр. 126,

что въ пѣснѣ на ту-же тему, размѣра ²⁾[8+6], звучить прозаичнѣе:

Чи чули ви, люде добрі, о такій новині,
 Що убито Петруся в глубокій Джулині, ²⁾
 Гол. I, 62.

Такія начала несомнѣнно относятся уже къ козацкимъ временамъ.
 Сюда—начало упомянутой выше п. о Перебойномъ:

Гей подивуйте добріі люде, що на Вкраїні постало, Ант. и Др.
 II, 39.

Иногда они приставляются къ пѣснямъ менѣ мѣстнаго содержа-

¹⁾ Ботушаны въ Молдавіи. ²⁾ Репучинцы, по картѣ Гол., Репужинцы, на Днѣстрѣ, на вост. отъ Залѣщиковъ, въ Буковинѣ. ³⁾ Гусятинъ, Чортк. окр. ⁴⁾ Голіграды въ Станислав. окр. на Днѣстрѣ, близъ Станиславова. ⁵⁾ Публіка, скандалъ.

²⁾ Монастырища Станисл. у. сѣвериѣ Станиславова. ²⁾ Жулина въ Стрыйс. у., Жолыня въ Решовскомъ.

нія и болѣе общаго интереса, на пр. въ п. о непослушаніи сына жовняра (первонач. козака) матери:

Ой в містечку Берестечку стала ся новина:
Выправляла стара вдова на війноньку сина,
Г. I, 135.

2. Выше и поэтичнѣе строй начала:

Чи чули ви, люде добрі, як дзвони дзвонили,
Та де ж мого (слагателя пѣсни) товариша в Белесені ймили?
Г. I, 161,

т. е. слышали ль вы извѣстіе объ томъ, что..., ибо *звонъ* здѣсь — чѣтка, слава (мое соч. Слово о Полку Иг. 51—3).

3. Того же достоинства представленіе *истиннаго* слуха ковань-емъ зозули, ибо

«Зозуля, вона не кує, правдує:» ¹⁾
Заковала зазуленька та меже лісами:
«Ой ходи, Бойчуку, на здобич из нами!» (Г. I, 160),

т. е. «зозуля ковала», а говоря прозаически, «передаютъ за достовѣрное» (что дѣло было такъ): шли Таманюки на добычу: встрѣчаютъ Бойчука: «Иди съ нами!» — А вы куда? — Туда-то и т. д. Т. о. я недумаю, чтобы кованье зозули значило здѣсь то, что пѣнье птицы въ серб.:

Каде, браћо, грозна зима прође,
Зима прође, ђурђев данак дође,
Те се гора приођене листом,
А земљица травом и цвијетом
И запоје тица шеврљуга, ...
Опет, браћо, да се састанемо,
Кар. Пјесм. III, 364,

¹⁾ Вотъ пѣсенное выраженіе силлогизма: правду говорятъ, что нужно уважать жену, поэтому и ты уважай меня:

Заковала зазулечка в пана на орісі:
Шануй же мя, мій миленький, як ластівку в стрісі;
Бо як немеш шанувати, немеш мя и мати;
Бо я тобі не наймичка все поле зробляти;
Бо я тобі не наймичка, я тобі газдиня:
Куда підеш, звідки придеш, твій дім не пустиня.
Гол. IV 537—8).

и несогласенъ съ тѣмъ, что Н. И. Костомаровъ говоритъ объ этой пѣснѣ (Гол. I, 160): «кукованье кукушки дѣлается сигналомъ сбора» гайдамакъ (Ист. зн. ю. р. пѣс. тв. Бес. 1872, X, 14). Оно могло дѣлаться, но въ разсматриваемомъ стихѣ объ этомъ неговорится.

Заковала зазуленька, заковала жовта:

Здогонила ледіників на Рекеті ровта,

Г. I, 160,

т. е. говорятъ, что случилось то-то. Разсказъ начинается прямо съ совершившагося, не предсказаннаго, а только (façon de parler) разсказаннаго зозулю. Здѣсь я опять несогласенъ съ Н. И. Костом., который объ этомъ двустипіи говоритъ (I. с.), что «кукованье кукушки дѣлается прорицаніемъ того, что гайдамакъ догонять солдаты». Здѣсь нѣтъ намека на предсказаніе, въ родѣ слѣдующаго: «кад кукавица изиђе рано те кука по црној шуми (= мр. як закуе на голе дерево, буде неурожай), онда ће бити зло оне године за хайдукѣ; али кад кукавица кука по зеленој шуми, онда су хайдуди весели» (примѣняя къ своему занятію земледѣльческую примѣту):

Листај горо, кукај кукавицо:

Нек се чини ора за хайдукѣ,

Кар. Рјечн.

Ой летіла зазуленька тай стала ковати:

Почекайте, добри люде, щось маю казати (Г. III, 205).

Въ этой пѣснѣ второй стихъ влагается въ уста самой зозули, которая далѣе разсказываетъ о бѣгствѣ Панцины (олицетвор.). Въ такомъ случаѣ, конечно, послѣ 1-го стиха слѣдуетъ поставить двоеточіе; но пѣсня эта большею частью дѣланная и начало ея первоначально могло имѣть другой смыслъ: зозуля сказала пѣвцу, а онъ передаетъ людямъ.

Такая же формула служитъ и заключеніемъ гуцульскихъ пѣсень:

В Коломиї зазвонили, в Станиславі бубнят: ¹⁾

Молодого Пилипонька у Надвірній губят.

Заковала зазуленька під Кучеручками:

Поховали Пилипонька та під яблунками,

Г. I, 162.

¹⁾ Т. е., опять таки «сказываютъ, вездѣ, что...»

Заковала зазулечка (у. заковала ми зазулька) та по-під Менчила.
Тепер сеся співаночка уся се скінчила»

Или

Теперь ся се співаночка її (героини пїсни) се скінчила,

или

Одокійці (т. е. объ ней) співаночка уся се скінчила,
Г. III, 34, 35, 38, 60),

«По-під Менчила» есть должно б. винительный (= родит.) въ смы-
слѣ мѣстнаго ¹⁾; ср. *Мунчелъ*, собст. имя горы (изъ Румынскаго).
Голов. I, Карпат. Русь, 567.

4. Объясненіе оборотовъ на тему «говорять», давшихъ поводъ
къ этому отступленію, — нѣсколько сложнѣе, т. к. требуетъ новыхъ
отступленій.

Рѣка (и вода) — *рѣчи* (какъ и въ сонникахъ) и отсюда съ одной
стороны — напраслина, неправда, а съ другой правда:

Хоть пойдеш ты во церковь посвященную,
Пустословье про тебя, какъ рѣка бѣжитъ,
Напрасничка вѣдь е какъ порогъ шумить:
Говорять да бають люди потихошеньку,
Што не Господу пошла Богу молитися,
За гульбой пошла она да за гуляньцемъ,

Барсовъ, Причитанья, 231.

Невесело жить безъ семеюшекъ:
Напрасничка про насъ, какъ порогъ, шумить,
Пустословице про насъ, бытто громъ, гремитъ ²⁾,
Съ небылицы буйна голова шатается,

ib. 230.

Получила я, побѣдная головушка
Нелюбимое словечико вдовиное: ³⁾

¹⁾ Ср. а) по-під синій туман розболівся білий Роман, Г. III, 64; по-під гай
зелененький ходит Добош молоденький, ib I, 152; по-під чужі перелазы ночую,
ib. III, 138; стоять верби по-над греблю ib. III, 307; по-над гору високою голуби
літають, ib. II, 267; у Гуцула по-за пояс самі сороківці; б) шур по-при него (при
немъ, при мельникѣ) підвалинов ходит, III, 225; иде мила по-при мене, некаже
«добрий день», II 258; буде твоя пшениченька в поле зімовати, II 389; ци ти
в поле неробила, ib.

²⁾ Громъ — напраслина. См. мою ст. «О связи нѣкотор. представленій въ

Какъ несчастной вдовой да *называютъ*,
 Бывъ холодной водой да *обливаютъ*,

ib. 39.

Неходи вже коло води (=неухаживай, некокетничай = нелюби),
 ний тя вже забуду,

Ний вже тебе инший любить, бо я вже небуду.

В тебе тільки *утиливости* (чести, искренности, правды), як в ка-
 міню *води*;

Шкода твоїй, дівчинонько, красної уроди.

Гол. II, 753.

«Скільки въ решеті (удержится) водиці,
 Стільки у хлопцях правдиці»

и на оборотъ:

«Скільки в відерцю (кубочку) водиці,
 Стільки в дівочках правдиці» (оч. разпространен. п.; ср. бр
 Шейнъ, 165, № 256)

Б. м. отсюда, т. к. пѣсня тоже есть правда,

Співали дівочки співали,
 Въ *решето* *пісні* *складами*,

а эти пѣсни сѣялись изъ решета, какъ вода. Трудъ былъ бесполез-
 ный. Конецъ ему положили воробьи:

Тай поставили (пісні) на вербі.
 Де-ся взялися горобѣ,
 (Да й) скинули пісні до долу:
 Час вам, дівочки, до дому... (Метл. 302).

Дождь значитъ не только слезы, или, какъ причина разлива рѣкъ,
 печаль (мое соч. О нѣкотор. симв. 89), но и *служ*:

Иде дощик напірненький (а чей перестане):
 «Взяв молодець стару бабу». Кайтесе христьяне!,

яз. Ф. Зап. 1864. Отд. от. 27—8. 3) Обращаясь къ мертвому: «Што учиње веѣ
 јаде Младој твојој кукавици?.. Утрос сије зацрно (= огорчилъ): Наѣде јој
худо *име*, худо име «*судовица*»: Ге (= ђе) би сјела да несједе, што би рекла, да
 нерече. Кар. Пјес. I, 94.

т. е. настойчиво говорятъ, что... (Гол. II, 438, гдѣ другая интерпункція, недающая надлежащаго смысла).

Отсюда для выраженія мысли: «идетъ слава, что...», или «доходятъ къ намъ слухи, что...», получается такой образъ: «тамъ-то дожди идутъ, а къ намъ (или туда гдѣ происходитъ дѣйствіе пѣсни) рѣчки текутъ». Принимая такое толкованіе этого образа, мнѣ кажется, мы находимъ смыслъ и цѣльность въ такихъ пѣсняхъ, которыя безъ этого могутъ казаться наборомъ нелѣпостей.

Извѣстно, что многія мр. гаивки (зап.), веснянки (вост.), какъ и уличныя, ювр. корогодныя п., суть величанья присутствующихъ на игрищѣ, или на оборотъ, насмѣшки надъ ними.

Первое—въ слѣдующей веснянкѣ:

Ой вийдіте, люде, та дивітеся:
 Їде козаченько та женитися,
 Ой сам (вм. «як») їде та на конику,
 Дівчину везе та на возику;
 Поганяє коня та лозиною,
 Називає дівчину дружиною и т. д. (Чуб. III, 121),

однимъ словомъ, все — какъ и быть должно, какъ и у людей. И добрая слава объ этомъ идетъ далеко, почему въ началѣ такой пѣсни стояло нѣчто въ родѣ:

У чужому селі дощик иде,
 А в нашому селі та чувати:
 Ой вийдіте, люде и пр.

При обращеніи похвалы въ порицаніе и насмѣшку, за одно снабженъ отрицаніемъ и начальный образъ, м. б. безъ всякой особой цѣли, а м. б. въ томъ смыслѣ, въ какомъ изъ *слава* (т. е. добрая) выходитъ *не-слава* (не отсутствіе славы, а дурная слава, порицаніе). Такъ въ галиц. гаивкѣ:

В (чужому селі) дощик иде,
 До (свого села) *нечувати*:
 Идіт, люди, дивитися,
 Їде Гринуненько ¹⁾ женитися.
 Поїхав ²⁾ він на озериско,

¹⁾ У Г. иди, Гринуненьку. ²⁾ У Г. — лз.

Везе Мариню, як помелиско.
 Тай літав, тай літав ²) по під небеса,
 Причіпив си жорна до пояса:
 Где стане — крупи меле,
 Крупи меле, опалає,
 Тай Мариню обіймає... (Г. П, 685).

Гребовичная п., по размѣру и мотиву близкая къ веснянкѣ:

У чужихъ селах дощі йдуть,
 А на наші села річки течуть.

Загорожу я тином річку,
 Та зажену лебідя й лебідочку.
 (Ой в. що) Лебідь буде купатися,
 А лебідочка вмиватися.
 Тож не лебідь купається,
 Не лебідочка вмивається:
 То козаченько (N) купається,
 Молода дівчина (N) вмивається.
 (Метл. 316, Гадячъ; осеньня—іб. 329).

Главный мотивъ этого величанья обыченъ и въ вр. пѣсняхъ:

У воротъ, у воротъ разливъ разливается,
 В широкихъ, в широкихъ широкое озеро;
 По томъ по озеру три лебедя плавали
 ...Первый-отъ лебедѣкъ то и Петръ у насъ
 За тѣмъ
три лебедушки плавали,
 Первая... (Коханов. Бояр. пѣсни, Р. Бес. 1860, II, 118—9).

Но особенность разсматриваемой мр. пѣсни — въ поэтическомъ приѣмѣ, который могъ бы быть названъ матеріализаціей образа и состоитъ въ томъ, что изъ образа, употребленнаго сначала иносказательно, ради одного изъ заключенныхъ въ немъ признаковъ, за тѣмъ извлекаются другіе признаки, которымъ придается новое иносказательное, а иногда и собственное значеніе. Здѣсь смыслъ первыхъ двухъ стиховъ могъ бы быть выраженъ однимъ «слава!», которое однако въ мр. пѣсняхъ неупотребительно; но за тѣмъ изъ рѣки, какъ образа *слуха, славы*, дѣлается прудъ, въ коемъ купаются лебеди

и лебедка. Но *купатися* = *женихатися*, а также б. м. рядиться, кокетничать (мое соч. О нѣкр. символ. 69, гдѣ къ ссылкѣ на Этн. Сб. I, 223 слѣдуетъ прибавить, что пѣсня — Нижнедѣвиц. у. Воронеж. г., внутри предѣловъ малорусс. вліянія); *умиватися* — тоже ¹⁾. Т. о. дѣло идетъ о томъ, что величаемые любятъ и стоятъ другъ друга; но послѣдніе два стиха, вмѣсто ожидаемаго прямого объясненія, опять матеріализируютъ образъ, приписывая козаку купанье, дѣвкѣ умыванье.

Веснянка:

..В Саражинці дощі йдуть,
А в Перейму річки течуть.

- ¹⁾ «Ой біда, біда, що я невдався:
Брів через річеньку тай невмивався (т. е. упустилъ случай къ сближенію)
Ой завернуся, тай умиюся,
На свою дівчину хоч подивлюся.»
— Ой невертайся да й невмивайся:
Ти ж мені, серденько, й так сподобався!

Чуб. I, 88, А.

Въ другомъ варіантѣ дѣвица говоритъ:

«В мене криниця під перелазом (въ текстѣ «край перелаза», т. е. близка, подъ рукою):

Вмиєсь, серденько обоє разом.
В мене хустина шовками шита,
Утрємось, серденько, хоч буду бита»

Или:

В меї (биля меї) криниці залізні ключі;
Вмиєсь, серденько, до шлюбу йдучи (ib 89),»

т. е. до этого времени, до вѣнчанья слишкомъ рѣшительнаго ухаживанья не допущу.

«Чи ти, милий, з кубчика вмивався,
Що ти мені над усюю челядоньку сподобався?
— Чи з кубочка, не з кубочка, чи ходячи по над воду,
Ти же-сь мені люба, ти же-сь мені мила, та и всѣму роду (ib 125).

Что говорится о любовникахъ, что «они з одного кубочка умивалися, однимъ рушничкомъ утиралися» можетъ значить не только, что они очень любили другъ друга, были единомышленны, но и то, что они были по всему равны. Ср. «він. до неї й невмивався»; *użył się do tego trzeba; nieumywał się do tego*, т. е. недостойнъ. Ср. съ Болг. п.: два брата такъ любили другъ друга, что

И два-та от єдна вода миєхѧ,
И два-та от єдна рида (платокъ, полотенце) бришехѧ,
Верковичъ, Н. п. Макед. Буг. 216.

Текли річки, (по) бреніли ¹⁾
 До Завадовської аж у сіни.
 Там хлопці збиралися,
 На горілочку складалися,
 А Хведір найбільше дав,
 Бо в Завадовської дочку взяв.
 Перейма, Балт. у. Чуб. III, 220.

Веснянка:

Текла річенька звеніла
Аж до парубків у сіни.
Туда парубки зберались,
По золотому складались.
«Да клади, хлопче, більше всіх:
«Краща дівчина твоя всіх,
На їй прибору більше всіх:
И прибірній ворота,
И криниченька глибока.

Этимъ могла бы кончиться пѣсня. Глубокая криница—сама дѣвица; но пѣсня отдѣляетъ этотъ образъ отъ дѣвицы, а за тѣмъ вновь ихъ соединяетъ:

Як повадилася дівчина
 Рано по воду ходити (т. е. до той же криниці),
 (т. е.) Молодця козака (= NN) любити;
 Як угледів же да козак:
 «Ходи, дівчино, ще ранше!
 «Мій батенько тебе любить:
 «И криниченьку обрубить («рублена криниця =
 сватана дівчина),
 И василечком обмете,
 И барвіночком оплете,
 И руточкою обтиче;
 Собі (мені?) дівчину прикличе.

Чуб. III, 150.

Свадебная:

С пуд крамянеї гори
Текли ріки з дороги.

1) Съ шумомъ текли. Польс. *brzmieć*.

Притекли річеньками
 Пуд Ганноччини сѣни.
 Выйшла Ганночка (невѣста) с хати,
 Стала їми дивоватись (т. е. удивляться тѣмъ из-
 вѣстіямъ, что ее выдаютъ замужъ)
 — Не дивуйся Ганночка!
 Ще тобі дивне (дивній? дивнійш?) буде:
 Сніданѣчка nebude (т. е. у свекра);
 Сами сядут вечерати,
 Тебе пошлют по воду...
 Кобр. у. Гродн. г. Сб. Свз. кр. 84.

Значенія вѣтра сходны со знач. дождя, воды. Вѣтеръ не толь-
 ко переносить вѣсть и т. п. (О нѣк. симв. 78), но и самъ есть
 молва, слухъ, (Арх. продухъ), напраслина ¹⁾. Это, вмѣстѣ съ предъи-

- ¹⁾ Какъ во эту во побѣдную сторонушку
 (т. е. куда выдана за мужъ)
 Буйныи вѣтры неprovѣвають...
 Птиченька къ намъ неприлѣтаетъ
 (птица тоже переноситъ вѣсть),
 Нѣтъ проѣзду на ступистыихъ лошадушкахъ,
 Нѣтъ проходу во темныхъ лѣсахъ дремучихъ,
 Почтовой ямской широкой нѣтъ дороженьки,
 Столько (= лишь) малая единая тропиночка,
 Столько (= лишь) пройдено у малой у скотинушки.
 Къ намъ добрыи люди незабродятъ,
 Оны вѣсточекъ къ намъ неприносятъ,
 Письма-грамотки къ побѣднымъ недоходятъ,
 Съ передачей по людяхъ все невѣрныхъ:
 По пути оны въ дорожкѣ замѣшались,
 Письма-грамотки оны да растеряли.

Барс. Прич. 141—2.

Это образецъ обстоятельности великорусской пѣсни.

Безъ своего родителя безъ батюшка
Приизвѣются-то буйны на нихъ (сиротъ) вѣтрушки,
 И *набаются*-то добры про нихъ людюшки,
 Што вѣдь вольныи дѣти — безуненныи (= безъуѣмныи),
 Нехрабры да сыновья растутъ безотнѣи,
 Некрасны да слывуть дочери у матушки.

Барс. ib. 1—2.

Ой недай же, Боже-Господи
 Жить обидной во сирочествѣ,
 Въ горегорькомъ вдовичествѣ:

дущимъ, даетъ возможность объяснить пѣсню, общій смыслъ и цѣльность коей, сколько я могу судить, даются не съ разу. Одинъ изъ ея варіантовъ съ голосомъ записанъ мною (Укр. пісні. Кошт. Балліної. Спб. 1863. 57); другіе — у Чуб. V, 80 и 178—9, гдѣ великоруссизмы («аж на *этот* двір, на *купеческій*», «*дочерь* хороша», «Варвара *душа*», «*построєний* двір», «*строятся* доми») указываютъ не на вр. происхожденіе пѣсни, а на то, что она полюбила въ пришлымъ рабочимъ или солдатамъ и отъ нихъ взята обратно. Размѣръ — $^2[4 + 5]$; напѣвъ изъ 4-хъ тактовъ въ $\frac{3}{4}$, по такту на полустипіе, такъ что, по времени, четырехсложное полустипіе равно пятисложному, и первое можетъ расширяться до 5-и слоговъ, 2-е до 6-и

1. Віють вітри щей буйнесенькі,
Иде дощик громовесенький
На мій садок зеленесенький.
А в тому саду світлонька нова,

*Пріовіють тонки вѣтерки,
Обдождять да мляки дождичики,
Осміють да всі крещении,*

ib. 35—6.

Безъ тебя, кормилецъ батюшко,
Пріовѣють вѣтры буйные,
Пріосудять люди добрые.

ib. 56.

Штобы вѣтрышки про насъ ненавіялись,
Понапрасну добры люди ненабаялись,
Худой славы про тебя ненаказали бы.

ib. 127.

Попусту въ полѣ вѣтры принавіются,
Понапрасну въ полѣ травка напатається,
Пустословья добры людюшки набаются.
Віють вѣтры съ чистомъ полѣ со западочкой;
Бають людюшки теперъ со прибавочкой,
Пріобидять меня бѣлую лебедушку.

ib. 203.

Согласно съ этимъ, то что, мать въ вр. п. берегаетъ дочь «и отъ вѣтру, и отъ вихоря» значить: берегаетъ ея репутацію. Въ мр. п.:

Вітер віє, шелевіє, тай порохом сіє
(Значить должна бы быть вѣсть отъ милаго, а между тѣмъ ее нѣту);

Коби то ся довідати, що мій милий діє!
Вітер віє шелевіє, тай порохом мече;
Гдесь (= должно быть) мій милий в дубрівоньці в сопівку ще-
бече, Г. II, 766.

- 5 А у світлоньці живе удова,
 А у вдівоньки дочка молода
 Виводила вороного коня,
 Напувала з синього моря.
 «Ворон коню, чом води неп'єш,
 10 «Копитами сиру землю б'єш?
 «Чом ти, милий, не по правді живеш:
 «Що з вечора коня сідлаєш,
 «А з півночи з двора з'їжджаєш,
 «А к світові з музиками йдеш,
 15 «Та до мене голос подаєш».
 — Обсади, мила, вишеньками двір,
 Щоб недоходив голосочок мій!

Коли мене вірно любив, некажи нікому,
 Бо то люде рознесуть, як вітер солому,
 Чуб. V, 766; Гол. II, 316, 821,
 къ чому Галицкая п'єсня прибавляєть:
 Сіно моє, сіно моє, солома дрібненька!
 Нежурися мій миленький: я ще молоденька,
 Гол. III, 320,

т. е. хотя и разнесутъ, какъ вѣтеръ сѣно или мѣлкую солому, но горя мало —
 утѣшеніе, въ родѣ того, какъ

Ой непійде дрібен дощик без тучи, без грому;
 Ой непійде дівка заміж та без уговору.
 Настучиться, нагрючиться, дрібен дощик пійде;
 Набрешуться вражі люде, дівка за між пійде.

Вѣтеръ разносить слухъ, вѣсть, какъ сѣно; а если сѣно слеглось въ ко-
 пицахъ, то вѣтеръ его неразнесетъ, значитъ, и вѣсти nebudeтъ. Отсюда

Ой у полі сіно низенько присіло (= нѣтъ вѣсти);
 С ким же моє миле серце вечеряти сіло?
 Сіло-ж воно, сіло, най здорове буде!
 Коли мене вірно любить, то мня незабуде.

Гол. I, 254.

Ой у полі сіно низенько посіло;
 А десь моє закоханє до вечері сіло,

ib III, 329.

А можетъ б. здѣсь прямое сближеніе «сіно.. сіло» и «моє серце.. сіло»,
 безъ посредствующей мысли объ отсутствіи вѣсти; только врядъ ли, п. ч. обыч-
 но именно сопоставленіе «до вечері сісти» и «немає вісти»:

Спогадай, спогадай, мене, матусенько, ой як сядеш хліба їсти:
 «Ой десь мій син, десь моя дитина, та немає ёму вісти».

Обсади, мила (вм. пій), половину двора,
 Щоб и я не твій (вм. ти не мій) и ти не моя!
 20 — «Ой, ні, милий (вм—а), неправда твоя!
 Кажуть люде, що на вік твоя (вм. моя):
 Нас нерозлучить ні світ, ні зоря,
 Хиба разлучить сирая земля!

Въ первыхъ 2-хъ ст.—соединеніе однозначныхъ символовъ (вѣтеръ, громъ, дождь), говорящихъ одно: вотъ-молъ, какая молва идетъ о вдовиной дочери. Въ 3-мъ ст. *мій* садокъ въ томъ смыслѣ, какой бы имѣлъ *dat. ethicus ми*, т. е. извѣстный пѣвицѣ, живо представляемый ею.—Съ какой стати рѣчь о поенні коня? Какая связь между тѣмъ, что конь нехочетъ пить и поведеніемъ милаго? — *Пить* зн. любитъ (О нѣкр. симв. 12, сл. Съ тѣхъ поръ я отмѣтилъ довольно много новыхъ подтвержденій); *поить коня* = предлагать любовь; когда дѣвка нехочетъ поить козацкаго коня, то она отказываетъ въ своей любви; конь нехочетъ пить = N нехочетъ любить (подтвержденія опускаю; ихъ много и въ сб. Гол.) «Нерозлучать ни світ, ні зоря» = світове гуляння й вертання до дому. Пѣсня эта не принадлежитъ къ бросающимся въ глаза поэтическимъ цвѣтамъ, растущимъ на черноземѣ простонародной жизни; но, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ, она замѣчательна по гармоніи стиля: она немогла бы такъ начинаться, кончатся, заключать въ себѣ такихъ образовъ, какъ въ ст. 7 — 10, 16 — 9 (= «ну, такъ заткни себѣ уши!»), если бы семейная драма была рассказана въ ней въ духѣ реализма и жанра иныхъ относительно новыхъ пѣсень размѣра²[8—6].

Приближаясь къ образу, съ котораго я началъ («рѣка передаетъ вѣсть»), остановлюсь еще на началѣ загадочной пѣсни, сообщенной Максимовичемъ и г. Лукашевичемъ:

«Гей з устні Дніпра да до вершини
 Сім-сот річок і чотирі,
 Да усі вони да у Дніпръ впади
 У Дніпръ правний, несказаний!
 Да повійте вітри низові,
 Ой на паруси безодні...»

Ант. и Др. I, 244—5, приводятъ эту пѣсню ради ея продолженія, замѣчаютъ: «Ст. 1—6 очень сомнительны; слова «Дніпръ правний (??)»

несказанный» врядъ ли могли быть въ пѣснѣ чисто народнаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что эпитетъ *правний* въ приложеніи къ рѣкѣ неимѣетъ смысла; безсмысленно и названіе парусовъ *безодніми*» (у г. Лукашевича не болѣе удачно—безводный). Очевидно, что стихи эти или сочинены, или подправлены слишкомъ усерднымъ ревнителемъ богатства народной поэзіи, или же неискуснымъ записывателемъ. Во всякомъ случаѣ изъ сравненія вар. Максимовича и Лукашевича видно, что пѣсню подправляли любители». Соглашаясь въ послѣднемъ съ почтенными издателями Ист. п. Мр. н., я думаю, что въ основаніи первыхъ 4-хъ ст. лежитъ народнопоэтический образъ рѣчекъ, несущихъ въ Днѣпръ *вѣсть, правду, слово*, м. б. именно рассказывающихъ Днѣпру, а черезъ него и синему морю (Ср. въ стих. XVII в. «Ой ріко Стиру... якую всему миру, де в Дніпр впадаєш, оповідаєш радость?»). Б. м. это находится въ связи съ вр.

То старина, то и дѣянье
Какъ бы синему морю на утишенье.

Это, кажется, давно понималось такъ, что старина («carmina»), сила поэзіи, успокаиваетъ взволнованное море («mare turbatum» Virg); но посредниками должны служить рѣки. Не потому ли и имъ «слава до моря» и несостоитъ ли эта слава (согласно съ обоюдностью, т. е. дѣйствительностью и страдательностью многихъ именъ сущ. и прил.) не только въ томъ, что ихъ славятъ, но и въ томъ, что онѣ славятъ? Не въ этомъ ли обоюдномъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и названіе Днѣпра *словутою* (= Слов-жта, какъ Пут-ята, Нѣж-ата, П. Bodz-фта)? Въ подобномъ см. Днѣпръ могъ быть названъ «праведнымъ», или въ этомъ родѣ. Какъ бы ни было, есть и другія, отчасти тоже загадочныя пѣсни, указывающія на существованіе этого же образа.

Какъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ, такъ и въ слѣдующихъ пѣсняхъ изъ собр. П. А. Кулиша, замѣтенъ, за устраненіемъ прибавокъ и т. п., размѣръ ²[4 + 4], изъ котораго — ²[5 + 7]

А. Да горе ж мені на чужині,
Що мої брати не при мені,
Що мої брати въ полку служать:
Що один у полку генералом,
А другий в Москві копитаном,
А третій (самъ пѣвецъ) иде, коня веде,

Да не сам їде, з громадою,
 Из громадою, не с правдою (?).
 Да привів коня до бродочку
 А йу бродочку *сім сот річок*:
 Одна річка-семерічка (?),
 А другая водяная,
 А третяя десь настала (?),
 Що сестра брата не познала,
 Да бродягою озивала...

Чуб. V, 897.

Б. Було ж нас три брати,
 Ох та всі не в купі:
 Один въ Самарі атаманом,
 Другий в Петенбурсі есаулом,
 А я молоденький на Вкраїні,
 Наповаю коня из быстрого Дніпра,
 Називаю Дніпра рідним братом.
 «Ой ти *Дніпро-брате*, скажи мені *правду*,
 «Ох скільки у тебе річок упало?
 — Ой упало у мене річок сорок штирі.
 Одна річка копірочка (м. б. Понірочка; ср. село По-
 норы, Конот. у.),
 Та й та в Дніпро упала,
 Ой вона ж мені *всю правду сказала*:
 Називають мене бурлакою,
 А мого товариша розбишакою,
 Свого (мого?) кониченька пропилякою (?)

Чуб. V, 1012—3.

Самыя искаженія розміра показывають, что любитель тутъ руки неприкладывалъ. Я считаю эти пѣсни испорченными, но подлинными. А 1—6 и Б 1—6 указываютъ на пѣсню, послужившую образчикомъ стихотворенія, приписываемаго Мазепѣ, разм. ²[4+4]:

Жалься Боже України,
 Що не в купі маєть сини:
 Один... и пр.

Въ другой пѣснѣ:

«Ой море, море, ти тихий Дунаю!
 «Чи небував ти в далекім краю,

«Въ далекім краю, в чужий стороні?
 «Чи нечував ти якій новини?
 «Чи не-тужит дівчина по мені?
 —Ой тужит, тужит, на лужку лежить,
 Правов сі руков за серце держит...

Далѣ *радостную* вѣсть обратно къ милой переносить воронъ:

Ой летит ворон [и]з чужих сторон,
 [Ой] летит ворон той промовляє;
 «Радуйся дівчино, гість до тя іде..

Zeg. Pauli I, 164.

Въ восточномъ вар. (Глуховъ, Радомысл) вм. Дуная — орелъ:

В чистім полі біл камень лежить,
 [Ой] на тим каменю сиз орел сидить,
 Ой сидить орел да й розмышляє;
 Иде козак дорогою, орла питає;
 «Ой чи був, орле в моїй стороні?
 «Ой чи тужить моя мила по мені?
 — Ой тужит и пр.

Орелъ же передаетъ вѣсть милой (Метл. 242). Безъ этихъ двухъ варіантовъ было бы непонятно начало третьяго, въ которомъ соединены обращенія къ Дунаю и орлу:

«Ой море, море, та й ти Дунаю!
 «Ой орле, орле, та й ти брате мій!
 «Чи небув ти, орле, в моїй стороні,
 «Ой чи нечув ти якої новини?
 «Ой чи нетужить мила по мені?—

Чуб. V, 1007.

Многое подобное долженъ былъ понимать авторъ стихотв. о битвѣ подъ Берестечкомъ, чтобы начать его съ «Ой ріко Стиру» и пр. Это стихотвореніе между прочимъ доказываетъ, что при благоприятныхъ условіяхъ русское стихотворство могло бы избѣжать уродливостей силлабическаго стихосложенія, которыя принято приписывать польскому вліянiю, а не туземному недомыслию.

Болѣе внутреннее и вмѣстѣ болѣе трудное въ примѣненіи формальное основаніе распредѣленія пѣсень есть сходство и сродство поэтического образа, т. е. все-таки не того, *что* говорить пѣсня, а того, *какъ* она говорить. Ближайшая задача классификатора здѣсь не установленіе исторической преемственности образовъ и типовъ, а пока лишь такой ихъ порядокъ, при которомъ однородное находилось бы вмѣстѣ или, гдѣ это недостижимо, могло-бы быть найдено при помощи ссылокъ.

Независимо отъ общаго вырожденія народной поэзіи, пѣсня всегда поется не только тѣмъ, кто ее можетъ примѣнить къ себѣ и другимъ, чувствовать, понимать, но и тѣмъ, для кого она служитъ однимъ лишь препровожденіемъ времени. На высшихъ ступеняхъ музыкальнаго и поэтическаго пониманія пѣсня, по народному выраженію, «тчеться»; на низшихъ она кромсается, спивается изъ обрывковъ, комкается, чему особенно благоприятствуетъ отсутствіе осязательнаго единства разсказа, дѣлимость пѣсни на строфы и образы. Иногда основаніемъ ассоціаціи частей служитъ единство напѣва и размѣра. Последнее напр. въ слѣдующемъ: къ пѣснѣ «Убила стрѣла вдовиного сина»; прилетѣли 3 зозули: мать, сестра и милая; мать плачетъ, какъ рѣка бѣжитъ и пр.», помѣщенной у Метл. 307 въ числѣ веснянокъ (б. м. относимой сюда и народомъ; на это указываетъ припѣвъ «гей-лею», т. е. «лелю»), но имѣющей основной размѣръ ²[5 + 5], такой же какъ въ колядкахъ, вар. Д. у Чуб. V, 837, присоединяетъ:

Узяли (т. е. зозулі) ёго да на крилечка (вм.—и)
 Понесли ёго да до церковці.
 Да сами двері одчинилися,
 Да сами дзвони задзвонилися,
 Да сами свѣчі посвѣтилися,
 Да сами книги зачиталися,
 И сама земля розступилася
 И само тіло схоронилося.

Это — одинъ изъ мотивовъ колядокъ, происхожденія христіанско-легендарнаго и связь его съ предыдущимъ совершенно внѣшняя.

Иногда пѣсня спивается на основаніи не единства, а лишь сходства размѣра частей. Для примѣра разсмотрю нѣкоторые варіанты одного семейства изъ разряда [(6 + 6) + (8 + 6)]. У Wack. z Ol. 336:

Горе ж мені, горе, нещасная доле!
Заорала дівчинонька мисленьками поле.

Чего мы должны ожидать вслѣдъ за такимъ началомъ, будетъ зависѣть отъ того, какъ мы поймемъ 2-ой стихъ. Согласно съ этимъ можно будетъ судить о цѣльности всей пѣсни, или разнородности и разнохарактерности ея состава. *Оранье* могло бы быть или чертою несущественною, вызванною лишь образомъ «сѣять горе» (См. мое соч. «Сл. о П. Иг. 56—9), или чертою главною. Въ послѣднемъ случаѣ, т. к. *орать* = любить (мое соч. О нѣкт. симв. 151—2), то «заорала мислоньками» — мысленно полюбила, выбрала себѣ. Въ такомъ случаѣ причина горя именно любовь. Это пониманіе подтверждается ст. 5 — 6 у W. z Ol., которые впрочемъ здѣсь непоняты, ибо

Вродило ся жито, трава зелена;
Ци то, Боже твоя воля, що я нещасная?»

по меньшей мѣрѣ неясно. Лучше у Гол. I, 239:

Посію я жито — трава зелена;
Ци то, Боже и пр.,

т. е. посѣю одно, а всходитъ другое, желанія не исполнятся ¹⁾. Совершенно ясно, что обманутыя надежды относятся именно къ любви, въ вар. г. Кулиша (Чуб. V, 832):

«Сіяла пшеницю, вродили блавати» (т. е. *centaurea-cyanus*
синіе волошки, вр. васильки);
а между тѣмъ

«Ой кого я вірно люблю, трудно занехати» т. е. ожидала
одного, вышло другое (онъ не любитъ), а между тѣмъ я забыть не могу.

¹⁾ Ср. въ п. изъ Сяноцк. и Земнен. окр.:

По-пред мої окна, по-пред мої двері
Насяла миленька білої лелії
(т. е. полюбила, выбрала меня).
Лелії насяла, розмарія сходит:
Юж моя миленька из иншима ходит.
Лелії насяла, розмарія збійшла:
Юж моя миленька за иншого пішла, Г. I, 337.

Вообще въ вар. W. z Ol. 336, ст. 1 — 12 совершенно опредѣлены и цѣльны по содержанію (несчастливая любовь, отсутствіе милаго). Также можетъ быть понята и жалоба дѣвицы на сиротство въ ст. 13—4; но ст. 15—8:

Чом ти мене, моя мати в церков неносила?
Чом ти мені въ Пана Бога долі невпросила?

уже размѣромъ ²[8+6] указываютъ на свою принадлежность къ другому семейству: жалобы на долю, въ видѣ упрековъ, обращенныхъ къ матери, Метл. 274 — 6. Въ *распространенномъ* вар. у Гол. I, 239, эта посторонняя по размѣру и содержанію примѣсь обнимаетъ ст. 13—6, 19—30.

На противъ, пѣсня у Г. II, 536—7, размѣра [(6+6)+(8+6)], совершенно цѣльна и имѣетъ единственнымъ содержаніемъ именно то, что въ предыдущей было примѣсью. Объ ораньи — любви нѣтъ рѣчи:

Долеж моя, доле, нещасная доле!
Засіяла дівчинонька мисленьками поле.

Образъ «неродится жито», (а только) «трава зеленая» объясненъ не какъ неудача въ любви, а вообще какъ бездольность съ самаго рожденія. За тѣмъ жалобы на мать, что неупросила доли, сомнѣніе въ Божьей правдѣ, желаніе смерти.

Также цѣльна п. у Гол. I, 325:

Горе-ж мені, горе, нещаслива доле!
Засіяла бідна вдова мысленьками поле.

Источникъ горя — не любовь, а вдовство, напрасная трата молодости. Въ концѣ п. обращеніе къ долѣ, колебаніе между надеждою и отчаяніемъ.

Совершенно особую пѣсню составляютъ у Гол. I, 266 (50) стихи 1—14: жалобы жены на *временное* отсутствіе мужа:

Ой сама я, сама пшениченьку жала,
Ой прийду я до домоньку, немаж мого пана!

Что это не вдова и не покинутая, видно изъ «Зброя на кілочку,

мій пан на медочку», или въ другомъ вар. — «Очі мої карі, лихо мені з вами! Нехочете ночувати *ні ніченьки* сами». Но съ 15-го ст. (Ой на гречці.) начинается сшивка изъ клочковъ, мѣстами замѣтная и по размѣру.

Послѣ этого пѣсня у Чуб. V, 832 (№ 401) кажется мнѣ сшивкой, хотя и не бессмысленной. Здѣсь «*Виорала удівонька* мислоньками поле», «сіяла пшеницю, вродили блавати», отнесено намѣренно къ несчастной (вслѣдствіе смерти мужа) любви. Къ этому приставленъ мотивъ, только что разсмотрѣнный («Ой сама я»), но такъ, что черты, указывающіе на лишь временное одиночество, отсутствуютъ, а ст. 19—25 могутъ быть поняты въ смыслѣ вѣчной разлуки.

Наконецъ примѣръ бессмысленной сшивки, а равно и доказательство невозможности сколько нибудь удовлетворительнаго распредѣленія пѣсень безъ предварительнаго ихъ анализа, признанія ихъ сложности или, на оборотъ, цѣльности, представляетъ п. у Чуб. V, 1, отнесенная редакціею къ разряду: *любовь двушки*. Послѣ стиховъ 1—4 («Виорала дівчинонька» = Wacł. z Ol. 336. См. выше), ст. 5—8—вставка размѣра ²[4 + 4]. Ст. 9-ый звучить:

«Посіяла жито, вродила пшениця».

Пшеница лучше жита; значитъ вышло гораздо лучше, чѣмъ ожидалось, такъ что жалоба:

«Чи то-ж, Боже, *така* воля,
Що нещасна моя доля?»

не говоря уже объ томъ, что выражена неподходящимъ размѣромъ ²[4 + 4], неосновательна. Въ ст. 12—7 («Ой сама я») говоритъ не дѣвица, ибо у дѣвицы «пана» нѣтъ и небыло. Въ вар. Б. (ib) уже ровно ничто не относится къ любви дѣвицы.

Иногда, когда пѣсня для записывателя, ради большей скорости, сказывается, а не поется, трудно даже найти основанія ассоціаціи частей.

Ассоціаціи частей могутъ быть весьма давни, судя по тому, что одни и тѣже встрѣчаются въ разныхъ мѣстностяхъ. Тутъ на двое: или мы непонимаемъ связи, или пѣсня уже многіе годы, б. м. столѣтія поется безъ пониманія въ цѣломъ.

Необходимость разложенія пѣсень на составныя части и на оборотъ, признанія или возстановленія ихъ цѣльности (конечно при помощи открытыхъ для всѣхъ критическихъ операцій) тѣсно связана съ необходимостью объясненія отдѣльныхъ образовъ народной поэзіи.

Само собою, что символизмъ, иносказательность явная (параллелизмъ, когда образъ занимаетъ первую половину стихотворенія или куплета, а его объясненіе или примѣненіе вторую) и скрытая немогутъ считаться особенностями мр. народной пѣсни. Сходныя явленія представляютъ не только пѣсни другихъ славянскихъ народовъ и Литовцевъ, особенно Латышей, но на пр. татарскія двустишія (Н. Бергъ, Пѣсни разныхъ нар. М. 1854, 231). Тѣмъ не менѣе особенной интенсивности этого явленія въ мр. пѣсняхъ слѣдуетъ приписать то, что оно именно въ нихъ бросалась многимъ въ глаза. В. Залѣсскій говоритъ: «въ коломыйкахъ тѣ же признаки, что въ краковякахъ: краткость (2 — 4 стиха, рѣдко больше), поспѣшность созданія («ро́спієch w układzie», что не ясно), въ 1-мъ стихѣ обыкновенно образъ изъ внѣшней природы, во 2-мъ мысль, чувство... но образы вдумчиваго Русина глубже, мѣтче. Рѣдко первый ст. не находится съ послѣдующимъ въ тѣсной связи, нерѣдко поражающей недостижимою глубиною мысли и чувства (W. z Ol. P. L. Gal. XL — XLI). Т. к. весьма многія другія пѣсни отличаются отъ коломыекъ только большимъ количествомъ двустишія, то авторъ тоже самое долженъ бы сказать и о нихъ. Г. Бергъ выражается такъ: «Эта прелесть (мр. пѣсни) разлита во всемъ: въ словахъ и въ сравненіяхъ, а иногда и просто незнаешь въ чемъ: мило и только! Сравненія, очень любимыя мр. пѣснею, имѣютъ въ ней ту особенность, что они *совсѣмъ не сравненія, а такъ что-то такое*; но таково очарованіе и грація выраженія, что и незамѣтишь этого, и дѣла нѣтъ до того, какой смыслъ выходитъ изъ того, что

Рибалочка по бережку да рибоньку удить,
А милая по милому да серденькомъ (? білимъ свѣтомъ) нудить.
Рибалочка по бережку рибоньку хапає,
А милая по милому тяженько вздыхає.

«Замѣчу еще особенность мр. пѣсни: это ея своеобразная краткость, къ которой надо нѣсколько привыкнуть. Иногда вдругъ незачто не поймешь, кто говоритъ, и все кажется путаницей». (П. разн.

нар. XVI). Я думаю, что и тѣ образованные люди, которымъ мр. пѣсня знакома съ дѣтства, большею частью находятся въ необходимости говорить о ея свойствахъ словами, скорѣе похожими на жесты, чѣмъ на выраженія опредѣленныхъ мыслей. Я. О. Головацкій выражается такъ, отчасти сходно съ Залѣскимъ: «Нерѣдко картина съ природы подобрана къ ощущенію души такъ мѣтко, что чувствуете между ними *какое-то* (!) подобіе, или символъ подобія (?), такъ, какъ бы *риема мыслей* соотвѣтствуетъ *риемъ* языковой формы» (I, Объясн. этн. карты 729).

Въ образованныхъ слояхъ такъ мало людей, интересующихся народною поэзіею, что нужно дорожить подобными признаніями. Они заранѣе оправдываютъ цѣль труда комментатора, который безъ нихъ въ своемъ уединеніи могъ бы усумниться въ томъ, нужны ли его объясненія. Если и знающіе люди говорятъ такимъ образомъ, то оказывается не лишнимъ сказать слѣдующее.

Что бы ни казалось намъ, вышедшимъ изъ прежней колеи, во всякомъ случаѣ для создателя пѣсни отношеніе между образомъ и ближайшимъ значеніемъ было вполне опредѣленное, т. к. образность была именно средствомъ созданія мысли, какъ въ словѣ представленіе есть средство значенія. Только эта опредѣленность можетъ состоять не въ одной непосредственности сравненій, но и въ разнородной *reservatio mentalis*, при которой указывается только начальное звено мысли, а слѣдующія звенья дополняются понимающимъ въ направленіи, опредѣляемомъ традиціею. Археологъ-комментаторъ лишь сознательно, медленно, ошупью и, конечно, не безъ ошибокъ восстанавливаетъ то, что непосредственно понимающимъ, т. е. невышедшимъ изъ колеи преданія, дополняется безсознательно, быстро и безошибочно, какъ по инстинкту. Между тѣмъ и другимъ могутъ быть посредствующія ступени, и для дѣла не бесполезно, если и въ археологѣ несовсѣмъ порвалась нить безсознательнаго преданія.

Восстановить связь въ примѣрѣ г. Берга не особенно мудрено. Пѣсня начинается такъ:

Ой ти живеш та на горі, а я під горою;
Чи ти тужиш так за мною, да я за тобою? ■

Здѣсь противоположеніе: при нашихъ обстоятельствахъ тебѣ бы больше тужить за мною, чѣмъ...; но между тѣмъ...

Як би-б тужив так за мною, як я за тобою,
То жили б ми, сердце моє, як риба з водою.

Здѣсь поворотная точка мысли и указаніе, что въ слѣдующемъ («Рыбалочка и пр.) сравнивается не рыба, а состояніе пойманной рыбы, рыбы безъ воды.

Второе изъ приведенныхъ двустипій поется и отдѣльно, и въ такомъ видѣ, внѣ связи, можетъ показаться неяснымъ:

Ой коби ти так за мною, як я за тобою,
То ми би так пробували, як рибка з водою.
Голов. II, 335 (Колом.),

случай, показывающій, какъ и многіе другіе, что коломыйка вовсе не непременно есть зародышъ болѣе длинной пѣсни; она можетъ быть частью, оторванною отъ большаго цѣлаго.—*Тужити* въ 1-хъ двухъ двустипіяхъ не непременно горевать, а въ томъ смыслѣ, какъ

«*Журилася* мати мною, як риба водою»
Гол. II, 261, 269, 789,

т. е. думала, заботилась обо мнѣ¹⁾), любила. *Рыба безъ воды* образъ тоже обычный. Между прочимъ

«Ой як тяжко на безводї рибї пробувати,
Безъ милого на чужинї тяжше проживати
Гол. II, 776.

Если и примѣръ г. Берга кажется загадочнымъ, то можно найти много другихъ еще болѣе похожихъ на загадки, напр.

На Брустурахъ заgrimіло, на Ясіню блисло:
Богдай тебе, мій миленький, по під серце стисло,
Богдай тебе, мій миленькой, кривило, морило:
Чому тото так небило, як ся говорило

¹⁾ Ср. Та журітсь, вороженьки, воском, ладанойком,
А не моєвъ жовтовъ косовъ, не моімъ вінойкомъ
(Г. II, 775²⁾), т. е. подумайте лучше о своей смерти.

(Гол. II, 448, гдѣ можетъ сбивать то, что двустипіи напечатаны подъ отдѣльными номерами, какъ особыя пѣсни). Брустуры и Ясинье — села за Карпатами, въ Мараморошѣ, верстахъ въ 30—40 другъ отъ друга по прямой, первое сѣверо-западнѣе другого. Пѣсня ставить насъ передъ этими селами, или между ними. Громъ — слово (подтверженіе см. выше), а молнія, т. е. громовой ударъ, дѣло. Т. о. смыслъ 1-го стиха: говорилось одно, а сдѣлалось другое; далеко слово отъ дѣла. Проклятія во 2 и 3 ст. относятся къ нарушителю обѣщаній, что и объяснено въ 4-мъ стихѣ.

Подобное же противоположеніе начала и конца, слова и дѣла, видимости и сущности въ слѣдующемъ:

А калина біло цвіла, червоно родила:
Аж тепер ся я дізнала, кого я любила.
Аж тепер ся я дізнала, та аж тепер знаю,
Що йно тебе я любила, тебе лиш кохаю
(Г. II, 775).

Какъ бы въ отвѣтъ на нелишнее вѣроятности, но ошибочное предположеніе: «ты его любишь»:

Ой калина біло цвіла, червоно родила:
Де ж бим свої очі діла, же би-м го любила?...
(Г. II, 782).

Противоположеніе любви и порождаемыхъ ею страданій:

А калинка біло цвіте, а червоно родит;
Великоє закоханє до біди приводит,
(Г. II, 335, 742)

Разлука:

Нема мого миленького, уже неприходить;
Звітти його виглядаю, звітки соньце сходить.
Ой невітти соньце сходить, вітки зоря ясна!
Стратила ж я миленького, тепер я нещасна.
(Г. II, 773).
Ой не відтів сонце сходить, звідків ясни зірки;
Порубали ледіника у чужої жинки
(Г. I, 227).

т. е. не такъ склалось, какъ думалось.

Источникомъ ошибокъ для толкователя можетъ служить принятіе постоянно одинаковаго отношенія между образомъ и значеніемъ. Такъ о сближеніяхъ, какъ

По-над гору високою голуби літают;
Я гаразду незнала, тай літа минают
(Г. I, 263). Или
Я роскоши незнала, літа ся минают
(ib 273; III, 332),

Н. И. Костомаровъ говоритъ: «летанье голубей — образъ нерѣдко грустный и, какъ вообще летанье птицъ, возбуждаетъ тоску по утраченной молодости» (Ист. знач. и пр. Бес. 1877. X, 34); «летанье гусей, какъ вообще летанье птицъ, наводитъ грусть о прожитыхъ лѣтахъ (ib 47: «Изъ за гори високої гуси вилітають; Ще роскоши незнала, вже літа минають). Я же и теперь, какъ прежде (въ св. соч. О нѣкотор. симв. X. 1860, 5), думаю, что здѣсь сравненіе только роскоши, какъ свободы, приволья, съ высокимъ полетомъ и *противоположеніе* полета отсутствію «роскоши».

Иногда короткая пѣсня заключаетъ въ себѣ только одинъ образъ безъ объясненія, такъ что можетъ возникнуть сомнѣніе, точно ли передъ нами поэтический образъ, а не прозаическая мысль въ стихотворной формѣ, на пр.

Ой коби я була знала, що я твоя буду,
Випрала бим сорочечку від чорного броду
(Г. IV, 453).

Что значитъ «прать сорочку», видно на пр. изъ слѣд.: «жінка, що од живого чоловіка та... прала другому сорочечку и все прочее.» Квитка, От тобі й скарб. Ср. также:

Заковала зозуленька на жовтім пісочку;
А хто ж мому миленькому випере сорочку?
(Г. II, 297).

Или:

Чи я тобі неказала, чи неговорила:
«Прийди, прийди, мій миленький, я рибу варила»
(Г. II, 353).

Стоило ли закрѣплять это пѣсню? Однако ср. бр.:

А я *рыбку варила*, да нешумавала;
 А я *милаго любила*, да нешанавала...
 ...А я *рыбку варила*, на кусочки дзѣля;
 В кого чорный вусок, таму рыбки кусок,
 В кого рыжа барада, таму й юшки шкада!
 (Зап. Геогр. Об. по Этн., V, 101).

Или:

Онъ:

Небуду я воду пити, бо вода нечиста,
 Бо у воду нападало кленового листа.

Она отвѣчаетъ:

Ай бо тото не кленина, зазулино піръ!
 Прийди, прийди, мій миленький, на моє подвір'є!
 (Г. II, 411).

Пить зн. любить. Онъ обвиняетъ Её въ невѣрности; Она оправдывается, утверждая что вина — пустячная. Образъ «вода криницы, испорченная нападавшими въ нее кленовыми листьями», понятый въ этомъ смыслѣ, вошелъ и въ легендарную пѣсню о бесѣдѣ Христа съ Самарянынею, гдѣ при

«Як би ви ту воду пили,
 «Кед то вода барз нечиста:
 «З верха листок з спода пісок»
 или «З верху листом припадено»
 (Г. I, 235; IV, 522),

есть варіантъ.

«Напададо з клена листа».

Или:

«Где ти, мила, пробывала,
 «Коли вода виливала?»
 — Ай я была при бережку
 Держала-м ся за березку,
 За березку, за тернину,
 Кликала-м ся на родину.
 (Г. II, 551).

Разливъ-вообще горе, Ср. мое соч. Сл. о Полку Иг. 73 — 6, а также слѣдующее:

Невелика поточина, луги измулила;
Хвалилася ледачина: «любка відлюбила (Г. II, 427),

т. е. хоть малый потокъ, а занесъ иломъ лугъ (должно б. лѣсной сѣнокосъ; *лугъ* и въ мр. смыслѣ, какъ поемный берегъ противоплагается *берегу*); хоть дрянной человекъ, а опечалилъ, сказавши, что разлюбила милая.

Не жаль мені за лугами, що пішли з водою,
Ай жаль мені на попонька, що звінчав з бідою (Г. II. 442).

Здѣсь поэтическая (не мифологическая) матеріализація образа (см. выше). Луги занесенные муломъ, испорченные разливомъ = несчастный бракъ; но не жаль мнѣ луговъ (какъ будто они въ самомъ дѣлѣ понялись водою), а жаль на попа.

Тиха вода надійшла, береги змулила;
В мого любка чорні очка, то-м ся додивила
(Г. IV, 461), т. е.

незамѣтно подкралось сознаніе красоты, любовь, а съ нею и горе).

Но въ частности въ п. у Г. II, 551 причина горя, представленная разливомъ, какъ видно изъ контекста, есть именно вербунокъ, рекрутчина. Такая спецификація значенія стала уже традиціонною:

Упав сніжок межи гори, тай річки прибули:
Уже мого миленького в черевички взули ¹⁾.
Взули, взули в черевички, сиву барву дали,
Кучерики порівнали, на войну погнали,
(Г. IV, 94).

Ой у горах сніги впали, річеньки прибули:
Ой вже ж мого рідног' сина в черевикки вбули.

¹⁾ Черевикъ — жовнерская обувь, одинаково непривычная и для того, кто оситъ чоботы, *скорни*, и для того, кто носитъ постолы; рекрутъ говоритъ:

Дали мени черевик,
А я к тому непривик.

В черевиченьки обули, кучері обтяли,
 А вже мому рідну (? м. б. рідном (у) сину карабінок дали.
 (Г. I, 137).

Отсюда видно, что вопросъ

«Где ты, мила, пробывала,
 Коли вода выливала?»

значить: почему ты отнеслась безучастно къ моему горю, когда меня брали въ солдаты? Она (или можетъ быть онъ же за нее, иронически) отвѣчаетъ: мнѣ было горя мало (м. б. рада была, что «родіна», родственники, между прочимъ мать (береза), сдерживаютъ). Въ варіантѣ, кажется, намекъ на другую любовь («кликалам ся на Йванину») и рѣшительное подтвержденіе того, что рѣчь идетъ о Ея безучастіи, ибо гасить пожаръ = утѣшать:

«Мила, мила, десь бывала,
 «Коли вода луги брала?
 — Я стояла на бережку (т. е. на крутомъ, = про-
 тивоположномъ),

Держала-м ся за голузку,
 За голузку, за тернину,
 Кликала-м ся на Йванину,
 На Йванину молоденьку,
 На душечку солоденьку. —
 «Де ти тогди, мила, стояла,
 «Коли дубровонька палала?
 — Я в решеті воду носила
 И нѣв дубровоньку гасила. ¹⁾
 (Г. III, 390).

Изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ и изъ вышеприведенныхъ признаній знатоковъ дѣла, мнѣ кажется, видно, что нынѣшній способъ изданія пѣсень, (впрочемъ, по обстоятельствамъ, необходимый), состоящій въ распредѣленіи ихъ по содержанію, во многихъ случаяхъ неудовлетворяетъ первой потребности читателя: понять ближайшій поэтический (иногда и грамматическій) смыслъ

¹⁾ Размѣръ 4-хъ послѣднихъ стиховъ испорченъ.

образа. Эта потребность въ значительной степени и съ наименьшею затратою мѣста была бы удовлетворена распредѣленіемъ короткихъ, однообразныхъ пѣсень по сродству ихъ образовъ и ближайшихъ значеній и снабженіемъ пѣсень болѣе длинныхъ ссылками на сходныя по образу и ближайшему значенію мѣста другихъ пѣсень. Такъ какъ невѣроятно, чтобы изданныя теперь мр. а равно и бѣлорусскія пѣсни были вскорѣ вновь переизданы, и напротивъ, можно думать, что наличные большіе ихъ сборники будутъ служить читателямъ еще многіе годы; то остается желать появленія частныхъ подготовительныхъ работъ къ будущему критическому изданію, частныхъ объясненій не только реальныхъ, каковы болѣею частью заключенные въ изд. гг. Антоновича и Драгоманова, къ сожалѣнію на время остановившемся, но и формальныхъ.

Срочность работы не позволяетъ мнѣ воспользоваться замѣтками, дѣланными мною при чтеніи разсматриваемаго Сборника,¹⁾ для обзора заключенныхъ въ немъ матеріаловъ со стороны формы и поэтического содержанія. Скажу лишь вообще, что, по моему мнѣнію, этотъ Сборникъ вмѣстѣ съ приложенными къ нему изслѣдованіями, картою и изображеніями, во многомъ облегчающими пониманіе самихъ матеріаловъ, есть многолѣтній учоный трудъ, необходимый для дальнѣйшихъ изслѣдованій по этнографіи, исторіи, исторіи языка и словесности южной Руси. Имъ уже пользовались многіе учоные по мѣрѣ его печатанія и, конечно, будутъ пользоваться еще въ большей мѣрѣ по выходѣ его въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ. Съ своей стороны я искренно желаю, чтобы Академіи Наукъ представилась возможность почтить трудъ Я. Ѳ. Головацкаго высшею наградою.

¹⁾ Это писано въ іюлѣ 1879. Теперь, спустя годъ, могу прибавить, что я составилъ обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ согласно съ положеніями, высказанными въ этой статьѣ, т. о. отчасти воспользовался своими замѣтками. Какова бы ни оказалась эта попытка систематизаціи двухъ сродныхъ разрядовъ н. п., для меня-вѣрно, что такая работа требуетъ много времени.